

Позабыв о былых невзгодах за сытным обедом, оба парня повеселели — ведь любую печаль можно заесть хорошим угощением, а если не помогло, то просто требуется добавка. Разом растеряв всю свою прижимистость, Ван Сюань увлёк своего названного брата Гоуданя в лавку и накупил целую кучу добра: и снеди, и всяких полезных в хозяйстве вещей. А затем без зазрения совести взвалил всё это богатство на плечи старшего.

— И почему тащить всё должен я? — проворчал Ли Кай.

— Так у тебя силища богатырская, — хмыкнул Ван Сюань.

— У тебя тоже силушки хватает. Слушай, вернёмся — надо бы целебный отвар сварить. Гляди, у меня на лице пара прыщей выскочила.

— Да заметил уже. Когда жара стояла, кожа чистая была, а теперь, к холодам, тебя цвести потянуло.

На лице Ли Кая красовались три ярко-красных юношеских прыща. Раньше-то парни от этой напасти не страдали. В средней школе, помнится, половина ребят в общежитии из-за жирной кожи лица постоянно была усыпана этой гадостью — смотреть тошно. Тогда Ван Сюань и составил для них особый сбор. Стоило попить отвар недельку, как новые воспаления переставали появляться, а старые быстро сходили на нет.

Слух по общежитию разошёлся мгновенно. Вскоре даже девчонки, мечтавшие о чистой коже, стали робко приходить к Ван Сюаню за помощью. Кому-то было неловко брать даром, так что они приносили сладости или совали по пятьдесят фэней, а то и по целому юаню за труды. Ван Сюань от платы не отказывался. Перед тем как выдать снадобье, он непременно мерил человеку пульс, чтобы составить подходящую смесь. Для него эта нехитрая практика служила отличной тренировкой. Вот только когда у него пытались выведать сам рецепт, он наотрез отказывал.

Доктор Цинь в своих письмах не раз наставлял: лечить людей и спасать жизни — долг лекаря, но разбрасываться рецептами направо и налево никто не заставляет. Таких глупостей нигде не делают. Даже простенький рецепт — это плод долгого труда, а не леденец, чтобы раздавать его первому встречному. Ли Кай такое мнение полностью разделял и всегда поддерживал названного брата.

Так за Ван Сюанем в школе и закрепилась слава «лесного лекаря». Серьёзных болезней он не касался, рецептов не выписывал, брался только за сущие пустяки вроде угрей или потливости ног. От настырных пациентов отнекивался легко: мол, готовые лекарства присылает учитель, а сам он — лишь скромный ученик, лечить по-настоящему ещё не умеет.

Поэтому у Ван Сюаня всегда можно было раздобыть полезные мелочи: москитные брикеты, порошки от вшей и блох, освежающий чай от жары или мазь от обморожений. И пока Ли Кай ворочал крупными суммами, Ван Сюань обеспечивал их постоянным ручейком из мелких монет, которые никогда не бывали лишними.

Поскольку в этот раз они приехали пораньше, то успели занять отличные места — одну двухъярусную кровать на двоих. Теперь этот угол стал их личной крепостью.

Они ввалились в комнату, нагруженные покупками, и Ли Кай тут же наткнулся взглядом на крайне неприятное лицо.

— Чжан Дэшэн? Ты-то что тут забыл?

— О, Гоудань и Ван Сюань! — осклабился парень.

— Ли Кай. Запомни наконец: меня зовут Ли Кай.

Чжан Дэшэн противно загыгыкал. Его круглое, заплывшее жиром лицо было густо усыпано багровыми прыщами, а когда он улыбался, его и без того крошечные глазки-щёлочки под набрякшими веками пропадали вовсе.

— Ты что, в наш класс попал? — хмуро спросил Ли Кай.

Этот жирдяй вызывал у него глубокое отвращение ещё с начальных классов. Мало того что он вечно ябедничал и строчил доносы учителям, так ещё и Лао Чэнь с него пылинки сдувал, хотя остальных лупил почём зря. Отец Дэшэна тогда заправлял делами в коммуне, а теперь, когда коммуну преобразовали в посёлок, видать, ещё выше поднялся.

В те времена Ли Кай слыл беспросветным нищим оборванцем. Учителя презирали его, а он платил им той же монетой. Больше всего его бесил этот лоснящийся барчук, который вечно уплетал дефицитные сладости и выслуживался перед взрослыми. Только и слышно было: «Учитель Чэнь, Гоудань отлынивает от работы!», «Учитель Чэнь, Гоудань шумит на уроке!», «Учитель Чэнь, Гоудань меня бить хочет!..» Из-за него вся школа узнала позорную домашнюю кличку Ли Кая. Но соваться к этому стукачу никто не решался — все побаивались его отца-чиновника. За ним вечно ходила свита прихлебателей, а нормальные ребята обходили его стороной.

В третьем классе Ли Кай не выдержал постоянного нытья и знатно намял Дэшэну бока. В ответ мамаша побитого ябеды прибежала в школу, устроив скандал перед директором. Ли Кая заставили писать покающую записку и зачитывать её перед всей школой. Более того, выслуживавшийся перед начальством Лао Чэнь вlepил ему несколько тяжёлых затрещин, требуя, чтобы мальчишка во всеуслышание назвал себя «мусором». Ли Кай стиснул зубы и промолчал, за что получил ещё больше ударов, пока лицо не опухло. Хоть позже он и нашёл способ жестоко поквитаться с Лао Чэнем, этот шрам на душе так и не затянулся.

То было унижение, которое врезалось в память на всю жизнь. Тогда Ли Кай впервые осознал: мир несправедлив, а байки про всеобщее равенство — пустой звук. Лишь в пятом классе, когда пришёл новый учитель, дышать стало легче. Об этой истории он никогда не рассказывал отцу, Ли Сы, и строго-настрого запретил друзьям проговариваться. Ему казалось, что он давно

перерос эту обиду, но рана открылась вновь.

Тут в разговор вмешалась стоявшая рядом женщина:

— Ой, Гоудань! Будешь учиться в одном классе с нашим Дэшэном, так что живите дружно, помогайте друг другу. Слышала я, вы с Ван Сюанем первые места на экзаменах заняли, правда, что ли? Надо же, никогда бы не подумала! Наш Дэшэн мальчик способный, умненький, просто к учёбе у него душа не лежит. Вот отец и подсуетился, чтобы его к вам в комнату перевели. Нам сказали, тут соберут лучших учеников из элитного класса, пускай у вас уму-разуму набирается...

— Мама! Хватит уже! Сложи вещи и уходи! — раздражённо оборвал её Чжан Дэшэн.

Но дело было сделано: все присутствующие услышали то, что нужно.

«Перевели?»

Ли Кай мысленно усмехнулся. Их класс считался элитным, туда отбирали строго по результатам экзаменов, и количество мест было ограничено. Это сколько же денег его семейка отвалила? Даже дети уездного начальства не позволяли себе подобного нахальства. Как школьное руководство на это пошло?

Впрочем, чему тут удивляться. В этом мире деньги и связи открывали любые двери. К тому же Чжан Дэшэн учился неплохо — троечником не был, держался крепким середнячком. В средней школе они учились в разных классах, так что Ли Кай не знал его точного рейтинга, но в число первых пятидесяти учеников школы тот точно никогда не входил.

Ван Сюань ожёг мать и сына ледяным взглядом.

«Вот уж кого действительно хочется извести со свету!»

Ли Кай обычно не спускал обид никому, сразу давал сдачи. Но Чжан Дэшэн и Лао Чэнь были единственными, чьи имена заставляли его кривиться. Хоть подлый учитель и получил по заслугам, то унижение перед всей школой никуда не делось. И теперь эта сытая семейка смеет лезть к ним с притворным дружелюбием!

Даже если они отомстят, старые раны всё равно останутся. Власть мелких чиновников на местах душит сильнее всего. На самом дне простому люду вредят не далёкие столичные министры, а именно такие ничтожные уездные царьки. Из-за них честные работяги годами не могут поднять головы.

Ли Кай крепко взял Ван Сюаня за руку и увлёк прочь из комнаты. Лицо его оставалось спокойным, он даже умудрился вежливо кивнуть на прощание уходящей мамаше.

Оказавшись во дворе, Ван Сюань не выдержал:

— Как только вижу его рожу, так и подмывает свернуть ему шею.

— Не горячись, — спокойно ответил Ли Кай. — Пусть он сколь угодно омерзителен, ворошить прошлое не стоит.

— И тебе самому от этого легко? Лично мне до сих пор поперёк горла стоит.

— Нелегко. Но не нужно пороть горячку. Нам в жизни ещё встретится куча проблем, с которыми мы не сможем разобраться с наскока. И вообще, та история меня уже никак не задевает. Правда.

Ван Сюань лишь скептически прищурился.

«Ага, так я тебе и поверил».

— Знал, что не поверишь, — усмехнулся Ли Кай. — Но надо взрослеть. Излишний пыл только вредит. Вот если бы я тогда сдержался и выбрал более удачный момент для трёпки, разве дошло бы до публичного позора?

— Настоятель храма говорил: над словом «терпеть» занесён острый нож. Поэтому мы так осторожно пользуемся сокровищем и втайне изучаем трактаты. На людях строим из себя тихих, примерных учеников. Но если слишком долго притворяться покорной овечкой, можно и впрямь превратиться в скотину. Я не хочу, чтобы ты прогибался под этот мир, брат. Ты заслуживаешь жить свободно и гордо.

— Опять ты за своё, — покачал головой Ли Кай. — Даже такой человек, как дядя Чэнь Чжэнго, не может позволить себе полной свободы, куда уж нам. Но не переживай: пусть та история не сломала меня, спускать её на тормозах я не собираюсь. Чжан Дэшэн за всё заплатит.

Лицо Ван Сюаня тут же прояснилось. Он довольно улыбнулся.

«Кто бы сомневался. Никакими послушными пай-мальчиками мы становиться не собираемся».

— Да уж, — вздохнул Ли Кай. — Стоило встретить этого придурка, как всё настроение коту под хвост.

Распределение по классам лежало на совести школы. И хотя такой подход у многих вызывал вопросы, у руководства были свои соображения. Ученики из элитного класса, пробившиеся туда своим трудом, терпеть не могли тех, кого пропихнули по блату. Юношеский максимализм не знал компромиссов: ребята любили и ненавидели искренне, без оглядки на чины и выгоду,

выказывая благородную гордость за собственные заслуги.

Глупая болтовня мамыши Чжан Дэшэна сослужила ему дурную службу. В общечитии с ним никто не хотел общаться, его попросту игнорировали. Поначалу он пытался набиться в друзья к Ли Каю и Ван Сюаню, но те вежливо отрезали: «У нас полно дел, нужно подрабатывать, чтобы оплатить учёбу». В конце концов Дэшэн понял, что здесь ему не рады. Ему пришлось искать компанию среди старых приятелей по средней школе, а возвращение в общечитие превратилось для него в ежедневную пытку.

Простые деревенские ребята презирали выскочку, купившего себе место, а заносчивые городские мажоры, тоже попавшие в класс благодаря связям родителей, не желали знаться с «сыном деревенского царька». Тем более что большинство блатных в классе всё же имели отличные оценки. Школьный мир, пускай и крошечный, уже всю делился на касты и группировки.

Ли Кай быстро подметил интересную закономерность: среди тридцати лучших учеников школы выходцы из бедных крестьянских семей составляли едва ли треть. Остальные две трети занимали дети обеспеченных горожан. Это навело его на невесёлые мысли: у богатых и влиятельных семей дети учились гораздо успешнее. При наличии желания перед ними открывались любые двери, лучшие репетиторы и учебные пособия, и им не приходилось думать о том, как заработать на кусок хлеба.

Это осознание только подстегнуло парней. Раз уж у городских такие стартовые условия, им самим оставалось лишь зубами вырывать знания, занимаясь до седьмого пота. Если они хотят поступить в хороший университет, расслабляться нельзя ни на секунду.

В обеденный перерыв Ли Кай оседлал старый велосипед, усадил Ван Сюаня на багажник и, сжимая в руке почтовую квитанцию, покатил к уездному почтамту — забирать посылку от Чэнь Чжэнго.

— Доктор Цинь опять прислал тебе медицинские книги? — спросил Ли Кай, поглядывая на дорогу. — Ты вообще успеваешь их читать? За последние два года ты их столько проглотил!

— Ничего, время всегда можно выкроить, было бы желание. Я просил учителя прислать задачки для подготовки к экзаменам, надеюсь, в этот раз они там есть.

Хотя доктор Цинь официально не объявлял Ван Сюаня своим учеником, за эти два года они регулярно переписывались. На любой сложный вопрос доктор давал исчерпывающий, подробный ответ, щедро делясь опытом. Ван Сюань уже давно за глаза уважительно звал его учителем и при случае отправлял в столицу редкие травы в знак сыновней благодарности.

В уездном городке не было нормальных книжных лавок, а учебные пособия распределялись строго по школам — тоненькие брошюры с однотипными заданиями, которые ученики заполняли и сдавали на проверку.

С такой скудной подготовкой надеяться на победу в общегосударственном конкурсе при поступлении в вуз было наивно. Учителя рассказывали, что в прошлом году из первой десятки выпускников их школы лишь двое смогли пробиться в престижные институты. Разрыв в уровне образования между провинцией и крупными центрами оставался колоссальным — сказывались и нехватка квалифицированных кадров, и отсутствие современных методик.

Понимая, что тягаться с городскими сверстниками будет тяжело, парни решили пойти проверенным путём и попросить помощи у Чэнь Чжэнго. Тот упоминал, что его племянники уже учатся в университетах или оканчивают старшие классы. У них наверняка скопилась масса полезных конспектов и методичек, которые можно было бы одолжить для учёбы.

<http://bllate.org/book/19654/1996765>